

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1978

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

И. Е. Петросян

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЯНЫЧАРСКОГО КОРПУСА

История становления Османской империи теснейшим образом связана с развитием военной организации турок-османов. Длительное время эта организация составляла важный фактор их успешной завоевательной политики, однако история ее изучена еще крайне слабо.

Историков Турции, как у нас в стране, так и за рубежом, издавна привлекали вопросы, связанные с развитием военно-ленной системы, при этом главное внимание уделялось проблемам, имеющим отношение к организации ленного землевладения и землепользования, их эволюции, вопросам земельной собственности. Эта сторона проблемы, тесно связанная с общими вопросами особенностей генезиса и развития феодализма в Турции, привлекает историков-туркологов и поныне. В меньшей степени освещен в советской и зарубежной историографии вопрос о военной организации держателей ленов, сипахи. И почти совсем не изучены проблемы, связанные с историей и организацией войск на жалованьи, так называемых капыкулу, в частности янычарского корпуса.

Создателям Османского государства, которые одерживали свои первые победы с помощью военной силы родо-племенных образований, удалось с течением времени создать весьма совершенную военную организацию, длительное время не имевшую себе равных в Европе. Одним из самых специфических элементов этой организации, возникшим на самых ранних этапах становления Османского государства, явился янычарский корпус, или «новое войско» («ени чери»). Солдаты «ени чери», широко известные под именем янычар¹, долгое время являлись непременным атрибутом и даже символом государства турецких султанов.

Несмотря, однако, на столь широкую известность этого турецкого военного института, почти нет работ, специально посвященных истории создания, развития и организации янычарского корпуса². Необходимость же такой работы, на наш взгляд, существует, ибо в истории Османского государства янычарский корпус с самого момента его создания являлся не только военным, но и важным политическим институтом, оказавшим большое влияние на процессы развития государства.

Настоящая статья ставит своей целью освещение ряда вопросов, связанных с созданием янычарского корпуса и его ролью в процессе становления Османского государства (XIV—XV вв.).

Непосредственным предшественником пехотного войска янычар явилось войско *яя*, созданное в годы правления Орхана (1324—1359) при активном участии Чандарлы Халиля. При султанах Орхане Чандарлы Халиль, выходец из семьи улемов, связанных с религиозным братством *ахи*, занимал должности кадия в Биледжике, Изнике и Брусе³. Его деятельность представляет собой характерное явление в истории раннего Османского государства. Вместе с военными отрядами тюркской племенной конницы, составлявшей основную военную силу первых османских правителей, шли мусульманские проповедники, освящавшие грабительские набеги именем ислама. Те же представители духовенства играли немаловажную роль и в процессе организации первых институтов Османского государства, будучи главными советниками и помощниками первых османских правителей в вопросах организации управления завоеванных земель⁴. Среди них был и Чандарлы Халиль. Одна из самых ранних османских исторических хроник, история Ашыкпашазаде, составленная в конце XV в. на основе недошедших до нас других исторических произведений, сообщает, что по совету Чандарлы Халиля, а также одного из последователей шейха Эдебалы было создано пехотное войско *яя* из числа тюркского населения османского бейлика. Тюрки, если верить рассказу Ашыкпашазаде, охотно записывались в число солдат *яя* и даже давали взятки кадию, чтобы быть записанными⁵.

О статусе солдат *яя* ранние османские хроники ничего не сообщают; сохранились лишь сведения об этом более поздних авторов. Так, османский историк XVI в. Саадеддин приводит рассказ, согласно которому солдаты для пехоты *яя* были набраны среди молодых тюрков. Во время военных походов они получали жалованье, составлявшее 1 акче в день, а в свободное от походов время обрабатывали предоставленные им земельные наделы⁶.

Скорее всего, о том же войске *яя* говорится и в сочинении серба Константина из Островицы, плененного турками к середине XV в. и, по-видимому, служившего в одном из подразделений янычарского корпуса. В составленных им «Записках янычара» хорошо информированный Константин сообщает о том, что при Орхане было создано пехотное войско, получавшее жалованье, продовольствие и оружие. Солдаты этого войска не платили никаких налогов и по первому приказу были готовы «идти пешими ко двору». В то время когда Константин писал свои записки, т. е. к концу XV в., это войско, по его словам, насчитывало две тысячи человек⁷. Сообщение Константина о том, что солдаты *яя* были освобождены от уплаты налогов, подтверждается и османскими авторами, которые отмечают, что в качестве земледельцев солдаты *яя* освобождались от уплаты *ашара* и других налогов⁸.

Войско *яя*, а также конница *мюселлем*, созданная примерно в то же самое время и имевшая тот же статус, что и *яя*, представляли собой первые воинские образования в Османском государстве, отличные от военных сил родо-племенной организации. Со временем, в процессе усложнения и совершенствования военной организации турков-османов, войска *яя* и *мюселлем* утратили свое первоначальное значение и очень скоро стали использоваться как вспомогательные воинские единицы, которым поручались дорожно-ремонтные и транспортные работы. Они были частично упряднены в конце XVI в.⁹

Османские исторические сочинения второй половины XV в. — хроники Ашыкпашазаде, Оруджа, Нешри¹⁰ — сохранили рассказ о создании другого пехотного войска, корпуса *янычар*; они относят его появление ко времени правления султана Мурада I (1359—1389). Рассказы названных авторов о возникновении «нового войска», по сути мало отличающиеся друг от друга, явились источником для последующих турецких авторов. Историки Османской династии Ашыкпашазаде, Оруджа и Нешри связывают создание *янычарского* корпуса с именем данышменда Кара Рустема и упомянутого Чандарлы Халиля.

Кара Рустем, явившийся на службу к Мураду из бейлика Караман, предложил Чандарлы Халилю, который к тому времени занимал пост кадиаскера, отбирать в пользу Мурада одну пятую часть захваченной добычи, и в частности пленных, причем у тех воинов, добыча которых не составляла пяти пленных, было решено взимать пятую часть стоимости каждого пленного. Одному из видных военачальников Мурада, Эвреноз-бею, был отдан приказ совершить набег на земли «гяуров» и пятую часть живой добычи отдать Мураду¹¹. Захваченных пленников, которых, как сообщает Ашыкпашазаде, оказалось очень много, Чандарлы Халиль предложил передать азиатским туркам для обучения их турецкому языку, с тем чтобы затем составить из них пехотное войско. Пленников этих обращали в ислам и заставляли работать на тех, кому их передавали. Только после этого отправляли их Мураду¹².

Несколько отличается от этого рассказа Ашыкпашазаде версия более позднего периода — середины XVI в., принадлежащая перу одного из великих везиров Сулеймана Великолепного, Рустем-паша. В своем сочинении «Тарих-и Ал-и Осман»¹³, составленном не позднее 1560—1561 гг., он, описывая создание при Мураде I *янычарского* войска и системы пенчик, как называлось взимание одной пятой добычи в пользу султана, довольно точно следует рассказам ранних османских хроник, за одним исключением. Так, Рустем-паша пишет, что Кара Рустему, о котором упоминалось выше, было поручено взимать с возвращавшихся из походов воинов по 25 акче за каждого захваченного ими пленного. Однако взимание указанного сбора оказалось невозможным, так как воины старались миновать пункт переправы через пролив, где находился сбор-

щик, и переправлялись на азиатский берег в других местах. Это вынудило Мурада ввести иную форму взимания пятой части добычи. Был отдан приказ взимать с возвращавшихся из похода воинов не установленный денежный сбор, а одного из пяти захваченных ими пленных. Именно набранные в результате этого мероприятия Мурада пленные, по словам Рустем-паши, после обращения их в ислам и тюркизации в среде азиатских тюрков были доставлены ко двору Мурада и стали ядром «нового войска», т. е. янычарского корпуса¹⁴.

В целом описание истории создания корпуса, принадлежащее перу Рустем-паши, восходит к рассказам указанных османских хроник, отличается от них лишь в незначительных деталях. Сам Рустем-паша сообщает, что в качестве источника пользовался «Избранными сочинениями» («Таварих-и мухтар») ¹⁵.

С иными подробностями описывает историю создания янычарского корпуса анонимный автор еще более позднего трактата, специально посвященного истории, организации и установлениям янычарского корпуса. Этот трактат, называющийся «Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи» (название не авторское, сам автор обозначает свое сочинение лишь термином «рисале») ¹⁶, был написан в 1606 г. для султана Ахмеда I (1603—1617). Автор его, не называя своего имени, говорит лишь о том, что прослужил 21 год в войске, занимаясь составлением янычарских дефтеров. Он не указывает письменных источников, которыми пользовался при написании сочинения, говоря лишь о том, что источником для написания трактата послужили рассказы, слышанные им от дедов, а также собственные наблюдения. По замечанию автора, его предки из поколения в поколение со времен Мехмеда Фатиха служили в янычарском корпусе ¹⁷.

Несмотря на то, что автор трактата ссылается лишь на устную информацию и на свои знания положения дел в янычарском корпусе, описание истории создания войска янычар, которое он приводит, свидетельствует о его знакомстве с более ранними османскими историческими сочинениями. Так, обстоятельства, повлекшие за собой учреждение янычарского войска, описываются им почти теми же словами, что и Саадедином. Так же, как последний, он сообщает, что очень скоро после создания войска янычар обнаружилась его крайняя недисциплинированность, и это вынудило Мурада I сформировать новое пехотное войско, но уже не из тюрок, а из сыновей «гяуров», т. е. немусульман. Согласно автору, всем кадиям были посланы указы, предписывающие произвести набор юношей среди немусульман. Таким образом была набрана тысяча человек. Все они были зачислены на жалованье, составлявшее 2 акче в день. А поскольку, пишет автор, они были «новыми слугами», их называли «ени чери», т. е. «новое войско». К каждой сотне янычар командиром был назначен яябаши (пехотный командир) ¹⁸.

Саадеддин же не сообщает о том, что набор юношей для нового пехотного войска был поручен именно кадиям; он пишет, что для его формирования были назначены специально для этого уполномоченные лица, которые в течение нескольких лет набрали тысячу человек¹⁹.

Таким образом, мы имеем две версии относительно истории создания янычарского корпуса: раннюю, представленную хрониками Ашыкпашазаде, Оруджа и Нешри (эту же версию в основном повторяет в середине XVI в. Рустем-паша) и более позднюю, представленную сочинением Саадеддина и трактатом о янычарском корпусе анонимного автора. Внимательный анализ этих двух версий показывает, что первая из них связывает создание янычарского корпуса с более древней формой его комплектования — системой пенчик; вторая же — с системой набора — девширме (от «девширмек» — набирать), которая ко времени появления сочинений Саадеддина и анонимного автора полностью вытеснила систему пенчик.

Первоначально единственным источником комплектования пехотного войска янычар явилось внимание одной пятой добычи, захваченной во время завоевательных походов, т. е. система пенчик. Сохранилось описание взимания живой добычи, захваченной турками во время сражения под Никополем в сентябре 1396 г. Согласно рассказу баварца Шильтбергера, участвовавшего в сражении в составе войска крестоносцев во главе с венгерским королем Сигизмундом, султан Баязид I, выигравший сражение под Никополем с большими для себя потерями, отдал приказ привести к себе всех захваченных пленных, в числе которых оказался и Шильтбергер. На глазах у Баязида по его приказанию было убито большое число привезенных пленных, и лишь заступничество сына Баязида спасло Шильтбергера жизнь. Его отвели к группе молодых людей, которым также была сохранена жизнь, ибо, пишет баварец, «не убивали тех, кто не имел двадцати лет от роду»²⁰. Только после этого кровопролития, которое, очевидно, носило чрезвычайный характер, так как, по свидетельству Шильтбергера, не встретило никакого сочувствия у самих воинов и окружения султана, Баязид отдал приказ отчислить для себя полагающуюся ему часть оставшихся в живых пленных²¹.

Взятых по системе пенчик пленных использовали по-разному. Шильтбергер, например, сообщает, что часть пленников, доставшихся Баязиду под Никополем, была подарена им египетскому султану и другим правителям. Сам Шильтбергер после того как долгое время исполнял роль слуги Баязида, был включен в состав его конной свиты. В этом качестве он получал от султана жалованье²². Судя по всему, Шильтбергер был зачислен в разряд султанского придворного войска на жалованье, ставшего впоследствии известным как «улюфели сипахи» («всадники на жалованье»).

Таким образом, часть пленников, достававшихся султану в качестве пятой части добычи, поступала в число личных слуг-рабов султана и составляла его постоянную вооруженную свиту, часть же, по свидетельству упомянутых выше османских историков, включалась в число янычар. По словам Константина из Островицы, янычары из военнопленных не имели права завещать свое имущество по своему желанию, и оно полностью переходило султану после их смерти²³. В этом их положение отличалось от статуса тех янычар, которые набирались по системе девширме.

Практика девширме, начало которой, по мнению некоторых авторов, прослеживается с конца XIV в.²⁴, сформировалась в своем окончательном виде лишь в XVI в. Она отличалась от практики пенчик тем, что набору подлежали не плененные христианские юноши, а сыновья христиан, проживавших на землях, прочно вошедших в состав Османского государства. В середине — второй половины XV в. практика девширме имела место лишь в том случае, если во время походов туркам доставалось незначительное количество пленных и специальные сборщики, обязанные набирать пленных христиан, не могли обеспечить потребности в пополнении янычарского корпуса. Любопытно, что сборщики иногда покупали захваченных турками пленных для нужд янычарского корпуса²⁵. Что касается системы девширме, то Константин описывает набор следующим образом: «Тогда он (сборщик) в своей земле у тех христиан, которые имеют юношей, берет их в каждой деревне, определив, какая деревня может дать больше, но так, чтобы общее число было набрано сполна»²⁶.

Из этого описания явствует, что к середине XV в. набор-девширме производился еще нерегулярно и зависел от возможностей пополнения янычарского корпуса за счет системы пенчик. Он имел место среди покоренных турками христианских народов — среди крестьян, уже считавшихся подданными Османского государства. Численность набираемых зависела целиком от потребностей янычарского корпуса и устанавливалась до проведения набора.

Набранные по системе девширме христианские мальчики, став янычарами, свободно распоряжались своим имуществом, завещая его по своему желанию. Вопреки сложившемуся в туркологической литературе мнению очень рано, к середине XV в., янычары добились права жениться. Дети их могли быть зачислены на янычарскую службу²⁷. «Мебде-и канун-и еничери оджагы тарихи» также упоминает о древнем праве янычар жениться, но только после ухода их с действительной службы и с разрешения султана²⁸.

Так же как и османские историки раннего периода, Константин пишет о том, что предназначенные в янычары мальчики препоручались заботам анатолийских тюрок («за морем»), которые должны были «их оберегать и потом отвезти, куда будет приказано. Затем их сажают в лодки, пригодные для этого, и возят на

них и обучают боевым действиям»²⁹. С этого времени им назначалось жалование, а выслужившихся из их числа посылали на службу ко двору султана³⁰. Постепенно набор-девширме почти полностью вытеснил практику пенчик в качестве источника пополнения янычарского корпуса.

Численность янычарского войска в период его создания была сравнительно невелика. В одном из сохранившихся османском источнике, «Фетхнаме», появившемся вслед за битвой на Косовом поле в 1389 г., указывается число янычар, принявших участие в сражении: «Мехмед, ага янычар, со своими двумя тысячами лучников занял место в авангарде»³¹. Во второй половине XV в. при дворе насчитывалось около четырех тысяч янычар³².

Янычарский корпус был создан как боевое военное подразделение и служил эффективной военной силой особенно при осаде крепостей. Однако для того, чтобы определить боевую значимость войска янычар в ранний период истории Османского государства, следует сравнить его численность с другим военным образованием турок-османов — азебами, которые появились примерно в то же время, что и янычары. Согласно османскому историку Нешри, азебы тоже принимали участие в битве на Косовом поле. Подобно янычарам, во главе их стоял ага³³. В захвате турками Константинополя участвовало 20 тыс. азевов³⁴. Во время борьбы османов с Узун Хасаном под началом румелийского бейлербея находилось 20 тыс. азевов и столько же под командованием анатолийского бейлербея³⁵.

Ранние османские источники ничего не сообщают об истории создания пехотного войска азевов. Тем ценнее представляются сведения об этом Константина из Островицы. Он пишет, что «пешее войско» азевов было учреждено при султанах Мураде I и использовалось при осаде и взятии крепостей. Азебы рекрутировались в случае объявления похода по указу султана, в котором местным властям сообщалось, сколько азевов должно выставить местное население³⁶. В военных кампаниях османских султанов принимали участие 20 тыс. азевов из Анатолии и 20 тыс. из Румелии. Во время сражения они стояли с правого и левого флангов от придворного войска султана³⁷. Что же касается янычар, то их численность при султанах Сулеймане (1520—1566) достигала лишь 12 тыс.³⁸.

Уже одно только это сопоставление численности янычар и азевов заставляет думать, что не янычары, а азебы составляли основную силу пехоты турок-османов в процессе их первоначальных завоеваний. Это предположение уже было высказано рядом турецких и европейских историков Турции³⁹.

В отличие от янычар азебы не являлись профессиональным пехотным войском и набирались лишь на время военных действий среди крестьянского населения Румелии и Анатолии. По существу, азебы были ополчением, набираемым местными властями по указу

султана в случае войны. В военное время они, правда, получали жалованье, однако по окончании похода распускались по домам⁴⁰. Согласно кодексу, относящемуся ко времени правления султана Баязида II (1481—1512), от каждых 20 крестьянских семей в османскую армию рекрутировался один азеб, для которого крестьяне были обязаны собрать 300 акче⁴¹. Несомненно, азебы составляли значительную часть пехоты османского войска.

Что касается янычар, то учреждение их войска при первых османских правителях вызывалось не одними лишь военными потребностями. Янычарский корпус, состоявший на первых порах из личных рабов султана, полностью от него зависящих (а потому, как считалось, и более верных), явился военной силой, постоянно находившейся в распоряжении верховного османского правителя. В первую очередь он призван был защищать власть формирующейся Османской династии. Другое дело, что очень рано янычары стали проявлять себя как не слишком надежные ее защитники. Так, янычары во главе со своим агой Хасаном изменили султану Баязиду во время его сражения с войском Тимура в 1402 г.⁴² В междоусобной борьбе сыновей Баязида за османский престол каждый из них использовал в борьбе против соперников верных ему янычар, которые, однако, и в этом случае оказывались далеко не всегда надежной опорой⁴³.

Во время этой междоусобной борьбы янычары впервые выступили как военно-политическая сила. Именно они поддержали будущего султана Мурада II против его брата Мустафы, за которого стояли пограничные беи⁴⁴. С этого времени, как верно отмечает турецкий историк Х. Иналджик, поддержка янычар становится главным фактором в наследовании османского престола⁴⁵. В этом смысле показателен эпизод отречения от престола Мурада II в период 1444—1445 гг., иллюстрирующий ту роль, которую начали играть янычары при первых султанах Османской династии. После отказа в 1445 г. от власти Мурада II в пользу Мехмеда II в Эдирне разразился бунт янычар, причиной которого, как полагают, явилась порча монеты⁴⁶. По некоторым сведениям, янычары разгромили дома наиболее знатных и богатых семейств в Эдирне⁴⁷. Это один из самых ранних случаев бунта янычар из-за жалованья. Тогда же янычары, по-видимому, отказались признать султаном Мехмеда⁴⁸. Во всяком случае, известно, что Мурад II был тайно возвращен в Эдирне для занятия османского престола после консультации великого везира Мехмеда, Халиль-паши, с рядом сановников, в частности с агой янычар Курджу Доганом⁴⁹.

Наконец, очень рано янычары начинают исполнять еще одну важную для формирующегося Османского государства функцию — нести гарнизонную службу. В каждой завоеванной турками крепости янычары составляли ядро ее гарнизона и подчинялись непосредственно султану; бейлербеи, управители провинций, не имели над ними никакой власти⁵⁰. В данном случае можно говорить о

том, что янычары являлись важным инструментом в руках султанов, с помощью которого те достигали цели сохранения и укрепления своей власти на завоеванных территориях.

* * *

Обзор основных фактов истории возникновения янычарского корпуса свидетельствует о том, что он явился важным военно-политическим инструментом укрепления могущества Османского государства. Изложение свидетельств источников показывает, что янычарский корпус наряду с подразделениями войск яя, мюсселем и азебов стал одним из значительных элементов созданной османскими султанами новой военной системы, не зависящей от традиций родо-племенной военной организации. Вместе с тем в отличие от других воинских подразделений янычарский корпус очень скоро стал не только воинской силой, но и профессиональной военной организацией, все более и более приобретающей реальное политическое влияние. Это определялось тем, что янычары не только были постоянным профессиональным войском на жалованьи у султана, но и довольно скоро начали играть роль придворной гвардии султана. Факты свидетельствуют, что во время боевых действий в период, о котором идет речь в настоящей статье, янычары не являлись основной силой турецкой пехоты. Этой силой было войско азебов.

Особое положение янычар как придворной гвардии очень быстро предопределило частую зависимость решения государственных дел, в том числе смены султанов, от позиции, которую занимали янычары. Изучение истории янычарского корпуса представляет интерес для историков Турции на всех этапах его существования, вплоть до его ликвидации в XIX в. Но особенно интересен начальный его период, ибо создание войска янычар связано с весьма важными факторами формирования османской государственности.

¹ Главным образом благодаря неперемому описанию янычарского войска в работах европейских путешественников, посещавших Османскую империю.

² Исключения составляют в советской историографии диссертация Г. А. Клейнман, в турецкой — монографии И. Х. Узунчаршылы (см.: Г. А. Клейнман. Кризис военной системы феодальной Турции. К истории уничтожения янычарского корпуса. Автореф. канд. дис. М., 1949; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı devleti teşkilâtından. Kapıkulu ocakları. T. I. Ankara, 1943).

³ Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman. Istanbul, 1332 (1913/14), с. 40, 42; I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi. T. I. Ankara, 1947, с. 291.

⁴ H. Inalcık. L'Empire Ottoman.— Actes du premier Congrès International des études balkaniques et Sud-Est Européennes. T. III, Histoire. Sofia, 1969, с. 77.

⁵ Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman, с. 40.

⁶ Saaded-Din. Tac at-tevarih. T. I, л. 21а—21б. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр. С 535; М. Akdağ. Osmanlı İmparatorluğunun yükselişi devrinde esas düzen.— «Tarih Araştırmaları dergisi 1965». Ankara, 1967. T. III. № 4—5, с. 151.

- ⁷ Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978, с. 46.
- ⁸ См.: Saaded-Din. Tac at-tevarih. Т. I, л. 216; Хюсейн. Беда' и 'ул-века' и' (Удивительные события). Ч. I. М., 1961, л. 446.
- ⁹ Хюсейн. Беда' и 'ул-века' и', лл. 446—45а.
- ¹⁰ Подробно об источниках для хроник Ашыкпазаде, Оруджа и Нешри см.: H. Inalcik. The Rise of Ottoman Historiography.— *Historians of the Middle East*. L., 1962, с. 152—167.
- ¹¹ Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman, с. 54.
- ¹² Там же, с. 54—55.
- ¹³ Rüstempaşa. Tarih-i Al-i Osman. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр С 1889.
- ¹⁴ Там же, л. 36а—36б.
- ¹⁵ Там же, л. 36, 10а.
- ¹⁶ Mebde-i kanun-i yeniçeri ocağı tarihi. Рукопись из коллекции ИВ АН СССР, шифр А 249.
- ¹⁷ Там же, л. 16—2а.
- ¹⁸ Там же, л. 346, 35а—35б. Ср. Saaded-Din. Tac at-tevarih. Т. I, л. 22а.
- ¹⁹ Saaded-Din. Tac at-tevarih. Т. I, л. 22а.
- ²⁰ Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год.— «Записки Императорского Новороссийского университета». Год первый. Вып. I.—2. Одесса, 1867, с. 5—6.
- ²¹ Там же, с. 6.
- ²² Там же, с. 7—8, 13.
- ²³ Записки янычара, с. 98.
- ²⁴ H. Inalcik. The Ottoman Empire. The Classical Age, 1300—1600. L., 1973, с. 78. См. также: S. Vryonis. Isidore Glabrus and the Turkish Devshirme.— «*Speculum*». Cambridge, Mass., 1956, № 3.
- ²⁵ Записки янычара, с. 98.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, с. 99.
- ²⁸ Mebde-i kanun-i yeniçeri ocağı tarihi. Fol. л. 256—26а, 386.
- ²⁹ Записки янычара, с. 98.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries of the Ottoman Military Organization.— «*Acta Orientalia*». Т. XXXI, fasc. 2, Budapest, 1977, с. 165.
- ³² Записки янычара, с. 99, 101.
- ³³ Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries of..., с. 162.
- ³⁴ Там же, с. 162—163.
- ³⁵ Там же, с. 163.
- ³⁶ Записки янычара, с. 46.
- ³⁷ Там же, с. 101—102.
- ³⁸ M. Akdağ. Osmanlı İmparatorluğunun..., с. 155.
- ³⁹ Там же, с. 151; Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries..., с. 163.
- ⁴⁰ Записки янычара, с. 46.
- ⁴¹ Gy. Káldy-Nagy. The First Centuries..., с. 163.
- ⁴² Там же, с. 165.
- ⁴³ В. Д. Смирнов. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. Calerpinus Cyrgiselebes. (К вопросу о происхождении и значении слова چلبی — челеби).— «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического Общества». Т. XVIII, 1907—1908. СПб., 1908, с. 2—3.
- ⁴⁴ H. Inalcik. The Ottoman Empire..., с. 19.
- ⁴⁵ Там же, с. 59.
- ⁴⁶ Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.). Т. I. Ankara, 1961, с. 440.
- ⁴⁷ Записки янычара, с. 62.
- ⁴⁸ Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.), с. 440; Записки янычара, с. 63.
- ⁴⁹ Uzunçarşılı. Osmanlı tarihi (2-е изд.), с. 440.
- ⁵⁰ H. Inalcik. The Ottoman Empire..., с. 118.